

После нескольких ударов Хэй Пу, бинты на его руках уже проступили кровью.

Он выплеснул всё своё подавление на боксёрский мешок, но упреки того человека были твёрже, чем мешок: они не разбивались и не собирались вновь, а оставались незыблемыми.

— Почему ты не берёшь пример с Хэй Ши?

Хэй Пу обрушил ещё один удар, мешок слабо качнулся. Кровь на бинтах расплывалась по марле, насмехаясь над его ревностью.

Почему Хэй Пу должен брать пример с Хэй Ши, с того труса, который, оставшись без войск, собрался застрелиться, и лишь потому, что его увели другие, не отведал ту пулю. Его собственный отряд был разгромлен, ему и полагалось выскочить и расстрелять последний патрон.

— Почему ты не посмотришь, как он относится к Старому Змею?

Мешок раскачивался вперёд-назад, крови сочилось ещё обильнее. Капля за каплей, словно соревнуясь в пышности.

Зачем ему смотреть, как Хэй Ши относится к Старому Змею? Хэй Ши должен был обеспечивать безопасность Старого Змея, но он позволил тому подставить себя под пулю. Хэй Пу никогда так не поступал, когда он раздевался, на том теле не было ни единого шрама. А когда раздевался он сам — его грудь, голень, да и все шрамы разной глубины на спине — разве не каждый из них он получил, прикрывая того?

— Зачем я вообще взял тебя тогда? Чёрт побери, мне надо было взять Хэй Ши, я должен был взять Хэй Ши!

А почему взяли Хэй Пу, разве тому человеку не ясно? Потому что тот человек любил его, любил его кожу, его запах, его безрассудство, и ещё любил опыт, который был богаче, чем у Хэй Ши — будь то на поле боя или в спальне, будь он солдатом или любовником.

Зачем взяли его? Почему не взяли Хэй Ши?

Кровь на бинтах сочилась всё больше от усиливающихся ударов, но Хэй Пу не чувствовал боли. Болью было то бурлящее чувство ненависти и ревности, что возникало каждый раз при таких словах. Оно было подобно чёрной дыре в глубине его сердца, отчего даже удары казались поглощёнными бездной.

Если тот человек так хотел Хэй Ши, то ему следовало отобрать Хэй Ши. Следовало снять с Хэй Ши ремень, самому вымыться и раздвинуть бёдра. Следовало стать на колени перед Хэй Ши, а затем принять ту жару и дыхание, что тот мог ему дать.

А не проделывать всё это с Хэй Пу.

Бинты промокли насквозь, тёмно-красная кровь сочилась между пальцев.

Хэй Пу, держась за мешок, перевёл дух на мгновение и развернулся.

Секретарь всё ещё держал в руке телефон, прикрыв трубку.

— Это он звонит.

Хэй Пу взял трубку окровавленной рукой.

С того конца сказали:

— Я вернулся. Забери меня.

Хэй Пу положил трубку и бросил телефон секретарю.

Направляясь к выходу, он разматывал бинты. Влажную марлю он швырнул в мусорное ведро, затем достал новую из шкафчика и начал наматывать.

Только сейчас он почувствовал боль в ладонях, но даже этот шрам он получил за того человека.

А тот человек всё говорил: Хэй Ши, Хэй Ши, Хэй Ши.

В тренировочном зале витал солёный запах пота. Когда он распахнул дверь, хлынул свежий воздух.

Хэй Пу глубоко выдохнул.

Стояла сильная жара, способная высушить даже его гнев.

* * *

Когда Юй Чэ приехал повидаться с Хэй Пу, тот уже давно ждал в машине.

Спустившись с самолёта, издали он увидел Хэй Пу в тёмных очках и с эскимо в руке.

Юй Чэ рассмеялся про себя: мать его, почти сорок градусов жары, а Хэй Пу приехал на кабриолете, да ещё и не поднял верх.

Интересно, не поджарились ли уже сиденья до состояния уж слишком хорошо прожаренного.

— Ты один? — поинтересовался Хэй Пу, прихлёбывая эскимо и направляясь навстречу.

— А кого ещё? — Юй Чэ потрогал сиденье и убедился. — Очень даже хорошо прожарено.

Хэй Пу с видом полной уверенности достал из багажника два ведра ледяной воды, поставил их на сиденья, затем указал на сервисный центр:

— Съешь эскимо, пока оно не растаяло, а к тому времени сиденья остынут.

Юй Чэ подумал: да ты гений, блин.

Сняв очки, он направился к ларьку, сожалея, что так быстро покинул самолёт.

Лучше бы подождал там, вверху, и ещё — он взглянул на самолёт, тот уже убирал трап, готовясь исчезнуть в лазурной выси.

Вот почему, когда Хэй Пу помогал ему обустроить остров, он так настаивал на сервисном центре. Какого чёрта он там обслуживает? Самолёт их, аэропорт их, дороги их, даже остров, мать его, их. Обслуживать надо разве что их самих.

Хэй Пу подъехал на машине, припарковался рядом с сервисным центром — два шага, можно

было и дойти пешком, но нет, обязательно завёл и подъехал.

Юй Чэ в тысячный раз усомнился в своём выборе: почему же он тогда не настоял на Хэй Ши, а взял этого Хэй Пу.

Хэй Пу доел эскимо, взял две бутылки воды, откинул спинку кресла и тоже сел, достал сигарету, закурил, затем открыл воду и подвинул её:

— Встречался с ними?

— С кем, с Юй Цзином? — Юй Чэ вытер пот со лба. Чёрт возьми, действительно жарко.

Он обернулся, поманил рукой, чтобы в сервисном центре открыли все двери и выпустили холодный воздух.

— Разве не за этим ты ездил? — Хэй Пу сделал несколько больших глотков из бутылки, опустошив больше половины. — И ещё Хэй Ши.

Юй Чэ кивнул.

— Встречался.

— Ну и как? — спросил Хэй Пу.

— Да никак. Не хотят идти на уступки, — ответил Юй Чэ.

Хэй Пу усмехнулся:

— Это Хэй Ши не хочет идти на уступки, или Юй Цзин?

— Какая разница? — Юй Чэ стряхнул пепел с сигареты. — Стоило Хэй Ши вернуться, как Юй Цзин просто преобразился. Не то что на уступки — мне кажется, он так и рвётся в бой, чуть ли не прямо не говорит, что выкупит меня.

Хэй Пу рассмеялся в полный голос:

— Какие у тебя планы?

— Никаких. Если он хочет войны, я буду воевать, — сказал Юй Чэ. — Жаль только, что тогда у Морского Орла я не забрал Хэй Ши. Не думал я, что он ещё и с Юй Цзином сойдётся. О чём этот урод вообще думает? Лучше бы ко мне пришёл, чёрт побери.

Хэй Пу промолчал.

Юй Чэ какое-то время смотрел на тлеющий кончик сигареты, затем поднял взгляд на Хэй Пу.

— Говори, — сказал Хэй Пу. — Планы у тебя есть.

Юй Чэ тоже усмехнулся. Видно, за десятилетия выработалась какая-никакая сплоченность.

Юй Чэ спросил:

— Сможешь поднять на него руку?

Хэй Пу, видя, что собеседник не пьёт воду, забрал бутылку, осушил ещё половину и швырнул

на стол:

— Он твой брат. А у меня какие могут быть проблемы?

Юй Чэ очень понравился этот ответ.

Хэй Пу никогда не отказывался от его предложений, так же как и Хэй Ши не отказывался от предложений Юй Цзина.

* * *

Юй Чэ и Юй Цзин — два брата. Один базируется на севере, у Туманной Совы, другой владеет югом, Змеиным Промыслом.

Семья Юй разрослась, детей — целая куча. Но тех, кого вписывают в родословные книги, не так много, потому что большинство — неродные.

Их отца звали Юй Юнь, но Юй Чэ вырос не при отце. Впрочем, кажется, мало кто из детей вырос рядом с Юй Юнем.

Юй Юнь женился только один раз, но единственная жена детей не родила. Та самая так называемая законная дочь тоже была приёмной, вскоре сбежала на войну и больше не возвращалась.

Остальные дети — результат того, что Юй Юнь в своё время сеял семена где попало, раньше он и не думал их искать. Но после того как дочь сбежала, он закинул сети. Выловил двоих: одного — Юй Чэ, другого — Юй Цзина.

Только мать Юй Чэ была строптивой. В те времена это был просто интрижка между женщиной и женщиной из высшего общества. Кто знал, что как только забеременела мать Юй Чэ, её семья переехала с родных мест в стране Змеиного Промысла.

Они несколько лет не общались с семьёй Юй, а когда связь восстановилась, Юй Чэ был уже в том возрасте, когда пора идти в школу.

Отец хотел забрать ребёнка, мать Юй Чэ, конечно, была против. У него были деньги — у неё тоже. У него были ресурсы — у неё были обширные связи.

Да и тогда они сбежали из Змеиного Промысла из-за военного переворота, многие документы остались в соответствующих органах, возвращаться в Змеиный Промысел ей было невыгодно, она точно не вернулась бы. И то хорошо, что дала этому щенку фамилию Юй.

Бессильный что-либо сделать, отец мог только выловить того самого Юй Цзина.

Юй Цзину и Юй Чэ разница всего в год, он был сыном служанки семьи Юй. Легко представить, как сильно скучал Юй Юнь в те годы, встречая красивую девушку — со всеми нужно было переспать.

Просто вся семья Юй, от верхов до низов, считала мать ребёнка происхождения крайне низкого, поэтому даже забрав Юй Цзина в дом, хорошего отношения к нему не проявляли, за спиной называя его ублюдком.